Е. В. Грудева

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ТЕКСТА: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлена краткая история понятия «избыточность текста», а также продемонстрирована методика экспериментального изучения избыточности русских текстов разных жанров. Различаются лексическая и грамматическая избыточность. Уровень грамматической избыточности в целом выше в письменных текстах, чем в разговорном. Уровень же лексической избыточности выше в научном и разговорном тексте, чем в художественном и публицистическом. В русском языке к числу специфических средств создания избыточности относятся не только развитая флективная морфология, но и морфонологические чередования.

E. Grudeva

TEXT REDUNDANCY: BACKGROUND AND METHODS OF ANALYSIS

The article presents a short background of the text redundancy problem and the methodology of experimental study of text redundancy in Russian. Results of the research show that the level of grammatical redundancy in written texts is generally higher than that in conversational texts. As for the level of lexical redundancy, it is higher in scientific and conversational texts as compared with literary and newspaper texts. The author shows that the Russian language uses inflexional morphology and morphophonemic alternations as specific means of increasing redundancy level.

Введение. В литературе неоднократно отмечалось, что в естественном языке постоянно действуют две противоположные тенденции: тенденция к экономии усилий и тенденция к обеспечению избыточности[1]. Действие этих тенденций напрямую связано с интенциями двух основных участников речевой деятельности – говорящего и слушающего. С точки зрения говорящего, конечно, лучше выбрать более экономное средство для выражения мысли, т. е. говорящий экономит «генеративные» средства. Слушающий же экономит «перцептивные» средства, т. е. заинтересован в самом простом из возможных переходе от текста к мысли (смыслу), чему и способствует оптимальный уровень избыточности.

Таким образом, прямое противопоставление экономии и избыточности не вполне корректно; противопоставление в том, **что именно** экономится. В дальнейшем изложении мы будем, однако, чтобы не нарушать традиции, использовать обозначение «принцип экономии» для обозначения механизмов и результатов их деятельности по обеспечению «генеративной» экономии.

История вопроса. К сожалению, в истории лингвистики за редким исключением на сложное взаимодействие соответствующих принципов не обращалось должного внимания. Наиболее известным оказался принцип экономии[2] (хотя часто этот принцип, или закон, упоминается вместе с «противоположным» принципом избыточности). Причем если принцип экономии всегда подается на уровне языковой закономерности, то избыточность очень часто характеризуется отрицательно, как речевой недостаток. Об этом хорошо пишет японский лингвист Тояма Сигэхико, рассуждая об этих двух действующих в языке принципах и называя один из них *гарантией* в противоположность другому, с более традиционным названием, – принципу *экономии*. По мнению автора, принцип экономии порождает эллипсис, принцип гарантии – «многословие», повторение важных деталей для более надежной передачи информации. Тояма Сигэхико справедливо отмечает, что оба принципа имеют конкретные способы языкового выражения, но *принцип гарантии не ощущается так ясно, как принцип экономии* (курсив мой. – *Е. Г.*)[3].

Исторически, уже в новое время, принцип экономии стал предметом внимания раньше, чем принцип избыточности. Так, например, Г. Пауль в «Принципах истории языка» посвятил целую главу экономии (Глава XVIII. Экономия языковых средств). В главе XIV, посвященной дифференциации значений, отмечая неизбежное образование в языке множества равнозначных слов, форм, типов сочетаний, Пауль замечает: «Хотя появление такого избытка является неизбежным, однако он не может сохраняться в языке длительное время. Языку чуждо какое бы то ни было излишество. Мне можно было бы возразить, что в таком случае язык должен был бы избегать возникновения излишеств. Однако язык вообще никогда не предотвращает возникновения *отрицательного яв-*

ления, он может лишь оказывать противодействие уже имеющемуся в наличии. <...>»[4] (курсив мой. – *Е. Г.*). Как видим, Г. Пауль прямо заявляет о том, что языку в принципе чуждо «какое бы то ни было излишество», и далее характеризует такого рода факты, встречающиеся в языке, как отрицательное явление. В главе XVIII, посвященной непосредственно экономии языковых средств и эллипсису, Пауль опять отмечает: «Нельзя, правда, отрицать того, что очень часто языковые средства используются излишне расточительно. В целом, однако, для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости».

Замечательно использованы при переводе слова, выражающие авторскую оценку этих двух тенденций: с одной стороны – «расточительно», а с другой – «бережливость». К сожалению, и до сих пор (за редким исключением) в лингвистической литературе, включая энциклопедические лингвистические словари, сохраняется такого рода оценка: экономия – это хорошо или во всяком случае «естественно», а избыточность – плохо. Нам уже приходилось писать о происхождении понятия и термина «избыточность» и о его употреблениях в современной лингвистической литературе[5].

На избыточность как на положительное свойство языка (и текста) в должной мере обратили внимание лишь в середине XX в. в связи с появлением и развитием теории информации[6]. В теории связи, а затем и в лингвистике избыточность стала рассматриваться как необходимое условие, обеспечивающее адекватный прием информации адресатом. А. Мартине, используя термины теории связи, в качестве основной функции избыточности называл борьбу с шумом, т. е. обеспечение восприятия сообщения несмотря на помехи. Г. Глисон отмечал: «Хотя избыточность в языке приносит прямую пользу говорящим, она причиняет много неприятностей лингвисту при анализе и описании языка. Пытаясь дать добросовестное описание какого-либо словесного выражения, лингвист неизбежно тонет в массе деталей, не имеющих в силу высокой избыточности никакого значения. Основной метод в языкознании и заключается, собственно, в разграничении явлений избыточных и неизбыточных»[7].

Замечательно, что в 1960-е гг. наблюдения за языковой избыточностью позволяют сделать очень важные выводы о сущности языка. Так, В. А. Звегинцев обнаруживает разницу между естественным языком и логическим языком именно по признаку наличия/отсутствия избыточности[8]. Н. И. Жинкин, выдвигая гипотезу о языке внутренней речи, отмечал, что язык внутренней речи свободен от избыточности, свойственной всем естественным (*натуральным* – у Н. И. Жинкина) языкам. «Формы натурального языка определены строгими правилами, вследствие чего соотносящиеся элементы когерентны, т. е. наличие одних элементов предполагает появление других, – в этом и заключена избыточность. Во внутренней же речи связи предметны, т. е. содержательны, а не формальны, и конвенциональное правило составляется ad hoc, лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции. Как только мысль переработана в форму натурального языка, кодовый, мыслительный прием может быть забыт»[9]. Таким образом, как видим, избыточность позволяет сущностно отграничить естественный язык от логического языка, с одной стороны, и от языка внутренней речи – с другой. Последнее замечание как раз и показывает, что избыточность возникает в связи с появлением фигуры слушающего, так как на стадии внутренней речи (речи для себя, «без» слушающего) никакой избыточности нет.

В зарубежной лингвистике вскоре после появления работ по теории информации понятие избыточности вошло и в учебники по языкознанию. Например, книга Г. Глисона «Введение в дескриптивную лингвистику»[10] содержит, кроме прочих, традиционных для учебников по введению в язы-

кознание разделов, главу XIX под названием «Процесс коммуникации». Практически вся глава посвящена избыточности. Автор вводит понятие избыточности следующим образом: «<...> Нереализованная передающая способность кода возникает как следствие того, что мы повторяли сигналы, и ее можно назвать избыточной. Здесь мы опять встречаемся с таким употреблением термина, которое отличается от обычного. «Избыточность» – это специальный термин в теории информации, и он требует такого специального определения, которое могло бы согласовать его с термином «информация». Мы определяем **избыточность** как разность между теоретически возможной передающей способностью какого-либо кода и средним количеством передаваемой информации. Избыточность выражается в процентах к общей передающей способности кода. Так, наше решение повторять каждый сигнал дважды создает избыточность в 50%». Глисон подчеркивает, что «избыточность – это не недостаток языка, но важная черта, без которой язык не мог бы функционировать».

Надо сказать, что в этом смысле отечественные учебники по языкознанию[11] отличаются от указанного. По нашим наблюдениям, впервые понятие избыточности в терминологическом смысле представлено в учебнике «Семантика» М. А. Кронгауза[12]. В учебнике И. П. Сусова по введению в языкознание в разделе «Информационные процессы и системы» также есть абзац, посвященный шумам и – как следствие – избыточности языка как кода. В частности, там отмечается: «Естественные языки обычно характеризуются высокой избыточностью, позволяющей распознавать речевые сигналы с достаточной степенью надежности»[13]. Хотя следует заметить, что работы, связанные с изучением избыточности, велись и в нашей стране уже в 1960-е гг. (см., например, исследования Н. Н. Леонтьевой, Р. Г. Пиотровского, Т. Н. Никитиной, М. И. Откупщиковой, специально посвященные этой теме).

С момента зарождения теории информации, с середины 1950-х гг., термин «избыточность» стал покрывать, по сути, два разных явления: контекстную предсказуемость и собственно избыточность текста. Например, Г. Глисон пишет: «Избыточность – не то же, что повторение, она совсем не обязательно связана с повторением». Позже стали различать избыточность языка как кода и избыточность текста[14]. Уже Г. Глисон отмечает: «Устранение избыточности могло бы произойти только за счет уничтожения всей структуры, и код как таковой оказался бы полностью разрушенным. Избыточность – следствие структуры языка и, вероятно, именно с этой точки зрения она прежде всего и интересует лингвистов. Однако избыточность выполняет и другую роль, в некоторых случаях весьма важную. <...>» Далее автор вводит понятие шума и ведет речь о необходимой степени *избыточности самого сообщения*, эта степень может быть увеличена при наличии большой порции шума, или же уменьшена, если степень шума носит среднестатистический характер. Ср.: «Вне всякого сомнения, шум уменьшает эффективность системы связи. Любой идеальный код (т. е. использующий полностью передающую способность канала) невозможно применять при наличии помех, поскольку малейший шум исказит сообщение. Единственным средством, позволяющим избежать этого, является избыточность. *Искажение сообщения можно предотвратить повторением данного сообщения,* а также и некоторыми другими способами. Действенный код должен обладать достаточной избыточностью, чтобы компенсировать шум в системе. Поскольку в каждом языке обычно существует избыточность, свойственная его структуре, его можно использовать и при наличии умеренного количества шумов» (курсив мой. – *Е. Г.*).

Позже было показано, что любой текст на естественном языке обладает избыточностью, причем, как оказалось, данные по разным языкам обнаруживают существен-

ную близость – 50–55%. В то же время тексты разных типов могут характеризоваться разной степенью избыточности, ср.: «степень избыточности меняется в зависимости от вида сообщения (статья в газете, эссе, поэтическое произведение и т. д.)»[15]. Те же авторы трактуют количественную меру избыточности следующим образом: «Это (т. е. уровень избыточности в 55% – *Е. Г.*) значит, что даже если мы уничтожим 55% произвольно выбранных значимых единиц сообщения, то оно все равно может быть понято».

Если иметь в виду, что структурно языки могут значительно отличаться друг от друга, то, вероятно, эта мера – в 50–55% – достигается в каждом языке (типе языков) разными средствами. Так, например, в области морфологии синтаксические падежи (по Е. Куриловичу) могут рассматриваться как средство повышения избыточности, в то время как адвербиальные падежи обычно не связаны с этой функцией. В сингармонистических языках одним из средств повышения избыточности текста является гармония гласных, а в языках с развитой морфонологией – морфонологические явления и т. п.

Методика исследования избыточности текстов на русском языке. Учитывая все вышесказанное и взяв за основу утверждения представителей группы μ, мы предприняли изучение избыточности текстов на русском языке, выбрав в качестве объекта наблюдения тексты четырех типов, а в качестве метода исследования – метод психолингвистического эксперимента.

Тексты, на основе которых изучалась избыточность, относились к следующим типам: 1) научная статья (сфера – психология), 2) публицистический текст (аналитическая статья в газете), 3) художественный текст (жанр – рассказ) и 4) разговорный текст (расшифрованный устный монолог).

В период с 2001 по 2003 гг. нами была проведена серия *лакунарных* экспериментов. Тексты деформировались по следующим принципам: 1) удалялись темы высказываний (в терминах актуального членения предложения); 2) удалялись ядра рем высказываний; 3) удалялось каждое шестое слово; 4) удалялись словоизменительные морфемы. Каждому виду эксперимента соответствовал определенный тип деформации.

Кроме того, эксперимент каждого вида проводился в двух модификациях: с сохранением / удалением знаков препинания. Эксперимент, в котором удалялись словоизменительные морфемы, проводился в четырех модификациях, две из которых были связаны с перестановкой / сохранением порядка следования высказываний внутри текста.

Всего было обработано 290 874 вставки, полученные в эксперименте.

В дальнейшем изложении об избыточности мы будем говорить только применительно к тем случаям, когда одна и та же информация в тексте закодирована с помощью как минимум двух разных элементов.

В каждом из экспериментов в рамках исследования избыточности испытуемые работали с одной «парой» текстов. В «пару» объединялись тексты, полярные по типу: разговорный – газетный, научный – художественный.

В качестве испытуемых выступили студенты ряда вузов (Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, Российского государственного гидрометеорологического университета, Череповецкого государственного университета, Череповецкого высшего военного института радиоэлектроники, Ярославской государственной медицинской академии); всего около 2500 человек.

Материалом **газетного текста** (ГТ) послужила статья С. Новопрудского «За царя», опубликованная в № 16 газеты «Известия» от 31.01.2001.

Материалом **разговорного текста** (РТ) послужил текст из хрестоматии: Русская разговорная речь. Тексты / Отв. редактор Е. А. Земская. М., 1973. С. 114–116.

Материалом **художественного текста** (ХТ) послужил фрагмент рассказа К. Г. Паустовского «Сказочник (Христиан Андерсен)» // Паустовский К. Г. Избранные произведения: В 2 т. – М., 1977. – Т. 2. – С. 314–315.

Материалом **научного текста** (НТ) послужил фрагмент статьи А.Н. Леонтьева «О механизме чувственного отражения» // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – 2-е изд., испр. и доп. (Серия: Хрестоматия по психологии). – М., 1999. – С. 221–222.

Особо следует сказать о причинах использования разговорного текста на фоне трех других – письменных – текстов. Для экспериментального исследования по возможности отбирались разные типы текстов: разговорный текст (монологического характера) служил своего рода фоном для трех других (письменных) текстов. В то же время формальные требования к предъявлению материала были соблюдены: все тексты (в том числе и разговорный) предъявлялись испытуемым в письменном виде.

Результаты. Как показало исследование, по ряду параметров разговорный текст обнаруживает черты сходства с другими типами (письменных) текстов. Например, на материале художественного текста (жанр – рассказ), в котором повествование ведется от первого лица, выявлена стратегия не выделять в качестве темы высказывания подлежащее, выраженное местоимением первого лица[16]. Точно такая же стратегия обнаружена и на материале разговорного текста. С точки зрения лексической избыточности разговорный текст сближается с научным текстом, так как именно эти два типа текстов (в отличие от газетного и художественного) демонстрируют максимальную степень лексической избыточности.

В то же время, конечно, разговорный текст существенно отличается от письменных текстов. Естественной средой бытования разговорных текстов является устная коммуникация. Адекватное восприятие информации в данном случае в немалой степени обеспечивается совокупностью экстралингвистических факторов и просодических характеристик речи. Что же касается избыточности собственно текста (в отрыве от экстралингвистических параметров и параметров, характерных для его устной реализации), то она невелика; по крайней мере, при исключении рематических компонентов степень восстановления разговорного текста оказывается невысокой.

В целом результаты, полученные в ходе экспериментов, свидетельствуют, что характер удаляемого из текста элемента влияет на степень его восстановления: судя по всему, избыточность текста реализуется на тематических элементах в большей степени, нежели на элементах рематических.

Анализ экспериментальных материалов показал, что плохой (близкой к нулю) восстановимостью обладают слова таких «периферийных» частей речи, как междометия, вводные слова[17], отчасти частицы (не формообразовательные). По-видимому, слова этих частей речи не связаны с формированием избыточности текста.

Что касается слов остальных – «основных» – частей речи, то следует сказать, что сама по себе частеречная принадлежность слов не обеспечивает их худшую или лучшую смысловую восстановимость. Некоторое исключение из этого правила составляет глагол. Именно глагол во всех экспериментальных режимах (отдельного комментария требует «рематический» эксперимент) во всех текстах (за исключением разговорного) лидирует по качеству восстановления. Обеспечивают высокое качество восстановления глагола сохранные в тек-

сте зависимые от него компоненты высказывания. Наличие в высказывании насыщенных глагольных валентностей позволяет испытуемым восстановить «глагольное слово», при этом причастия, деепричастия и спрягаемые формы глагола в процессах восприятия могут взаимозаменяться (с соответствующей перестройкой структуры предложения). Сокращение числа зависимых слов (вплоть до их отсутствия) – распространителей причастий и деепричастий – отдаляет последние от глагола и сближает их с прилагательными и наречиями в том числе и с точки зрения степени восстановимости; наличие же распространителей обнаруживает тесную близость причастий и деепричастий со спрягаемыми формами глагола. Таким образом, можно сказать, что глагол и зависимые от него актанты напрямую связаны с формированием избыточности текста.

В целом же результаты показывают, что функционально-смысловая нагруженность слова в тексте (в частности, его вхождение в тематическую или рематическую часть) гораздо важнее факта принадлежности слова к тому или иному частеречному классу. Слово, входящее в тематическую часть высказывания, к какой бы части речи ни относилось, имеет шансы быть лучше опознанным, нежели слово, входящее в рематическую часть. Глагол, входящий в рематическую часть высказывания, несмотря на представленность в тексте его зависимых, может плохо опознаваться, если контекст не обеспечивает ему «поддержки» в виде лексического или семантического повтора.

Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг и другие в работе «Общая риторика» рассматривают такие виды избыточности текста, как фонетическая и графическая; синтаксическая и грамматическая; семантическая избыточность; конвенциональная избыточность. При этом отмечается, что «различные виды избыточности могут одновременно присутствовать в дискурсе и частично перекрывать друг друга. Отсутствие фонетической избыточности может быть компенсировано, например, за счет семантической избыточности».

Что можно сказать о существующей взаимной зависимости между типом текста и степенью его избыточности на основании проведенной нами серии лакунарных экспериментов? Прежде всего следует отметить, что разные типы текстов отличаются друг от друга семантической и синтаксической структурой, и поэтому деформирование их по тому или иному принципу приводит к потерям, которые по-разному сказываются на понимании. По-видимому, можно сказать, что соотношение типов избыточности в текстах – величина переменная.

Об особом статусе разговорной речи и о низкой степени избыточности собственно разговорного текста (вне коммуникативной ситуации и его устной реализации) уже говорилось ранее. В этом отношении три других текста (газетный, художественный и научный) противопоставлены тексту разговорному: в письменных текстах средства создания избыточности сосредоточены прежде всего в самих текстах. Кроме того, грамматическая избыточность по определению выше в письменных текстах[18], так как «в разговорной речи смысловая организация высказывания явно превалирует над формально-грамматическим построением»[19].

Как показало наше исследование, с точки зрения лексической избыточности научный текст и разговорный текст занимают верхние позиции (степень избыточности более 55%); газетный и художественный текст относятся к числу текстов, в которых степень избыточности составила менее 50% (44% и 48% соответственно). Картина представляется вполне правдоподобной: в силу того, что научный текст стремится к однозначности (научное знание должно быть выражено максимально точно) степень лексической избыточности достигает максимальной величины. Общая избыточность разговорного текста, как уже отмечалось, по сравнению с письменными тек-

стами невелика, однако степень *лексической* избыточности в разговорном тексте предельно высока. Например, из четырех текстов одинакового объема только в разговорном тексте одна и та же лексема может повторяться более 10 раз. Газетный и художественный тексты можно отнести к разряду стандартных, немаркированных с этой точки зрения; в этих текстах различные средства выражения избыточности сбалансированы и поэтому степень *лексической* избыточности не выходит за пределы 50%-ной отметки.

Что касается специфических для русского языка средств создания избыточности, то к ним, как показывают данные проведенных нами лакунарных экспериментов с удалением флексий, прежде всего следует отнести развитую флективную морфологию и морфонологические чередования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Уже в античных риториках находим такие понятия, как плеоназм, периссология («многословие») – с одной стороны, и эллипсис – с другой.

[2] *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. – М., 1960; *Ульдалль Х. И.* Основы глоссематики // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960; *Zipf G. K.* Human behavior and the principle of least effort. – Cambridge, Mass., 1949.

[3] *Басс И. И.* Проблемы современного японского языкознания: Лингвистика текста. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2004.

[4] *Пауль Г.* Принципы истории языка. – М., 1960.

[5] *Грудева Е. В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. – Череповец: ЧГУ, 2007; *Грудева Е. В.* О структурном и лексическом разнообразии русских текстов // Русское слово и русский текст: история и современность: Сборник научных статей, посвященный члену-корреспонденту РАО, профессору Владимиру Алексеевичу Козыреву / Отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – С. 226–232; *Грудева Е. В* О термине *избыточность* в лингвистике // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции (Челябинск, 21–22 октября 2003 г.). – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2003. – С. 207–213.

[6] Ср., например, об избыточности у Клода Шеннона: «В теории связи считается, что язык может рассматриваться как некоторый вероятностный процесс, который создает дискретную последовательность символов в соответствии с некоторой системой вероятностей. С каждым языком связан некоторый параметр *D*, который можно назвать избыточностью этого языка. Избыточность измеряет в некотором смысле, насколько может быть уменьшена длина некоторого текста в данном языке без потери какой-либо части информации. Простой пример: так как в словах английского языка за буквой *q* всегда следует только буква *u*, то *u* может быть без ущерба опущена. Значительные сокращения в английском языке можно осуществить, используя его статистическую структуру, частую повторяемость определенных букв или слов и т. д.».

[7] *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. – М., 1959.

[8] *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. – М., 1967.

[9] *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.

[10] Книга Г. Глисона, по сути, является учебником по курсу «введение в языкознание», впервые была издана в 1955 г. в Нью-Йорке, а в 1959 г. уже была переведена на русский язык и издана в Москве.

[11] Следует отметить, что, в отличие от собственно учебников, в очерках и извлечениях по истории языкознания, составленных В.А. Звегинцевым и изданных в 1965 г., был представлен перевод статьи Р.О. Якобсона «Лингвистика и теория связи» (1961 г.), которая практически вся построена на понятии избыточности.

[12] *Кронгауз М. А.* Семантика. – М., 2001.

[13] *Сусов И. П.* Введение в языкознание. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

[14] *Касевич В. Б.* Морфонология. – Л., 1986; *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988; *Касевич В. Б.* Труды по языкознанию. – СПб., 2006. – Т. 1; *Якобсон Р. О.* Лингвистика и теория связи // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. II. – С. 435–444.

[15] *Дюбуа Ж.*, *Эделин Ф., Клинкенберг Ж.-М. и др.* Общая риторика. – М., 1986.

[16] Речь идет о результатах предварительного эксперимента, связанного с определением темы (в терминах актуального членения предложения).

[17] Мы не приводим обоснования решения, в соответсвии с которым вводные слова условно принимаются нами в качестве особого частеречного класса.

[18] Ср. об этом у Ж. Дюбуа, Ф. Эделина и др.: «Избыточность такого типа (синтаксическая и грамматическая. – *Е. Г.*) особенно высока в письменной речи. Она проявляется, в частности, в повторяющихся маркерах – грамматических показателях (согласование по роду, числу, согласование глагольных форм и т. д.)».

[19] *Кормилицына М. А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988.